

ТРАГЕДИЯ ОБ ИОСИФЕ, СЫНЕ ЯКУБА

Григорий ЗАСЛАВСКИЙ, театральный критик

Газеты успели написать, что спектакль таджикского экспериментального театра «Ахорун» не состоится. Не было самолета, и, когда в фестивальной афише был объявлен «Иосиф потерянный вновь вернется в Ханаан...», артисты не прилетели. О каком театральном фестивале могла идти речь, когда на таджикской земле едва ли не гражданская война! Но 22 октября вечером на сцене Театра Вахтангова таджики все же сыграли свой замечательный, очень поэтический и камерный спектакль. И режиссер-постановщик Фаррух Косим сам был на сцене в роли шейха Якуба.

Артисты прилетели в Москву на военном самолете. Даже не в Москву, потому что самолет приземлился на аэродроме в Клину. В том же самолете, который, точно из-под земли, нашел новый государственный советник (в Таджикистане в минувшее воскресенье сменилось правительство) Давлат Худоназаров, рядом с театральными декорациями стоял танк, вместе с актерами, которым предстояло играть братьев, возненавидевших брата, сначала прогнавших, а после убивших его, были беженцы — живые и мертвые жертвы сегодняшней гражданской войны.

Пафос спектакля, в котором герой перед смертью обращается к своим ненавистникам и убий-

цам со словами: «Давайте не обижать друг друга, ведь упадет наше братство, если мы не сохраним его теперь», — для оказавшихся в одном самолете людей был пафосом их жизни, куда более актуальным, чем хотелось бы да и можно было предположить.

Художественный руководитель театра Фаррух Косим сочинил спектакль, взяв за основу библейскую притчу об Иосифе Прекрасном (по-мусульмански он зовется Юсуфом), и пересказал ее стихами великих восточных поэтов Руми, Аттора, Хафиза, Джами. Это мы узнали из программки, спектакль шел без перевода. Подобно большинству зрителей, я не понимал слов. ве-

личие и мудрость поэзии нельзя было домыслить, и они, к сожалению, остались неслышанными. Но ритуальное кружение актеров, которым начинается спектакль, необычной ритуальный строй всего представления, ритм стихотворного текста, повторенный в жесте и в звуке — на разные голоса, оказывали магического действие. Его завораживающая монотонность, блеклые краски, сосредоточенность и суровая аскетичность точно соответствуют жанру, обозначенному как реквием.

Реквием по кому?

Мы успели привыкнуть к тому, что артисты, поэты выходят на сцену, как на трибуну — с политическими заявлениями, и от кого-то из них уже не ждем новых ролей или стихов. Таджикские актеры и пели право использовать эту сцену как трибуну. Они могли просто выйти на сцену и — получить аплодисменты. Или сыграть свой спектакль — про ужасы сегодняшнего братоубийства... Они не воспользовались этим правом. Вчерашний вечер — тот редчайший случай, когда гражданский пафос актеры воплотили в форме театрального зрелища. В спектакле нет дидактичности, а в финале — даже неожиданный для рекевиема оптимизм. Неожиданно естественный здесь — мудрость прощения, которая звучит в прощальных словах Юсуфа. И это все-таки надежды.

И Известия
23. 10. 921